

Изъ жизни инженера путей сообщенія ¹⁾.

Прождавъ съ 16 апрѣля по 24 апрѣля и не получая никакого отвѣта, я подалъ г. Ваховскому новое заявленіе, съ просьбою выдачи аванса для уплаты служащимъ жалованья за мартъ и апрѣль, тѣмъ болѣе, что служащіе, возмущенные невыдачею еще мартовскаго жалованья, совершенно справедливо громко роптали. вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его ускорить отвѣтъ главнаго инженера о мѣстѣ, куда намъ дальше слѣдовать. Негодованіе служащихъ было увеличено еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что состояніе, въ которомъ была найдена нами въ конторѣ Китайско-Восточной ж. дор. адресованная на наше имя корреспонденція, было дѣйствительно возмутительно, а именно, газеты, книги, журналы были свалены въ одну большую кучу на полу въ сараѣ, рядомъ со сломаннымъ ватерклозетомъ, колесами и друг. хламомъ. Обложки книгъ и журналовъ содраны, страницы разорваны, запачканы грязью и пылью, адреса сорваны, письма же, хотя и сложены въ большой ящикъ въ самой конторѣ, но въ такой же хаотической кучѣ, въ которой каждый приходившій могъ рыться сколько ему будетъ угодно и брать какія ему угодно письма. Наконецъ, получивъ, въ концѣ апрѣля, отъ г. Ваховскаго деньги, я могъ уплатить служащимъ жалованье за мартъ и апрѣль, чѣмъ хоть нѣсколько успокоилъ ихъ.

Время шло, но какого - либо отвѣта отъ главнаго инженера я все еще не получилъ. Наконецъ, 20 мая, я черезъ того же г. Ваховскаго получилъ депешу отъ главнаго инженера Юговича съ предписаніемъ нестложно отправиться „со всѣми служащими обратно въ Портъ-Артуръ“. Въ виду сильнаго возбу-

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь 1913 г.

жденія, вызваннаго такимъ распоряженіемъ среди моихъ служащихъ, и предполагая, по полной несомвѣстимости сего предписанія съ недавно полученнымъ въ Портъ-Артуръ: ѣхать во Владивостокъ — какое-либо недоразумѣніе, я депешю уже непосредственно снесся съ г. Юговичемъ, при чемъ наученный вышеупомянутымъ предупрежденіемъ военныхъ инженеровъ въ Портъ-Артуръ, упомянулъ въ этой депешѣ всѣ тѣ же условія, на которыхъ я поѣхалъ въ Маньчжурію, съ просьбою: могу ли я рассчитывать, что по прибытіи на мѣсто штатъ мой не будетъ раскассированъ. Въ это время одинъ изъ моихъ служащихъ, одинъ изъ привезенныхъ мною дорожныхъ мастеровъ явился ко мнѣ и заявилъ, что, въ виду такой возрастающей неопредѣленности положенія моего штата, онъ рѣшилъ, если я ему не заплачу жалованья за февраль — возвратиться немедленно въ Россію, что не было обусловлено при наймѣ. Засимъ тотъ же дорожный мастеръ подтвердилъ мнѣ свое заявленіе письменно, а 3-го уже числа вечеромъ я получилъ отъ мирового судьи 2-го участка города Владивостока повѣстку, приглашающую меня явиться на 4 мая въ качествѣ отвѣтчика по иску ко мнѣ сказаннаго дорожнаго мастера. При разборѣ дѣла я былъ оправданъ только потому, что предъявилъ судѣ документы, подтверждающіе полную мою правоту.

Тѣмъ временемъ была мнѣ доставлена копія съ депеши помощника главнаго инженера Игнаціуса, съ подтвержденіемъ возвратиться мнѣ со всѣмъ моимъ штатомъ въ Портъ-Артуръ и поступить въ распоряженіе начальника южнаго отдѣленія инженера Гиршмана. А засимъ 8-го числа я получилъ еще депешу отъ главнаго инженера Юговича съ сообщеніемъ, что точное указаніе, куда я и мой штатъ будетъ направленъ, дастъ мнѣ имѣющій прибыть во Владивостокъ инженеръ Игнаціусъ.

Такъ какъ во всѣхъ полученныхъ мною до того времени отъ г. Юговича и г. Игнаціуса депешахъ, кромѣ несомнѣнно яснаго уклоненія отъ отвѣта на поставленный мною вопросъ о раскассированіи штата—ничего не заключалось, то я, согласно указанія самого г. Юговича, рѣшилъ подождать пріѣзда во Владивостокъ инженера Игнаціуса. Въ то же время желая получить, наконецъ, вполне опредѣленный отвѣтъ, я заготовилъ къ прибытію г. Игнаціуса письменное заявленіе ему, каковое препровождено было ему черезъ посредство г. Ваховскаго немедленно по прибытіи г. Игнаціуса во Владивостокъ.

11-го мая прибылъ наконецъ г. Игнаціусъ, а 12-го я получилъ отъ него, путемъ надписи на визитной карточкѣ, предло-

женіе явиться къ нему „переговорить по службѣ“. Явившись къ назначенному сроку, я получилъ отъ г. Игнаціуса словесное предписаніе возвратиться въ Портъ-Артуръ, а на вопросъ мой, будетъ ли мой штатъ раскассированъ, на мѣстѣ работъ или нѣтъ, г. Игнаціусъ заявилъ мнѣ, что „интересы дѣла“ требуютъ раскассировки. На мое возраженіе, что это противорѣчитъ условію моему съ правленіемъ, онъ заявилъ въ присутствіи бывшаго здѣсь же въ кабинетѣ г. Игнаціуса—другого начальника участка инженера Воробьева, что въ такомъ случаѣ „напрасно я не просилъ правленіе прибавить къ моему съ нимъ условію, что онъ, Игнаціусъ, не имѣетъ права на мѣстѣ работъ разбить этотъ штатъ, какъ ему заблагоразсудится“. „Всякое несогласное съ моимъ личнымъ взглядомъ на дѣло обстоятельство, прибавилъ г. Игнаціусъ, я считаю посягательствомъ на переданную мнѣ, какъ замѣстителю главнаго инженера, власть и никакими своими правами я не поступлюсь“. На мое замѣчаніе, что я вовсе не думаю посягать на его права, но только желаю, чтобы исполнены были на мѣстѣ тѣ условія, на которыхъ я единственно поѣхалъ и, что, если нельзя ѣхать въ Артуръ со своимъ штатомъ, то вѣдь есть же, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, другіе мѣста начальника участковъ—г. Игнаціусъ заявилъ, что не находитъ возможнымъ исполнить мою просьбу, что онъ распределяетъ служащихъ, какъ этого требуютъ „интересы дѣла“ и, чтобы я подумалъ до завтра, т. е. 13-го числа, и далъ бы ему рѣшительный отвѣтъ. Вслѣдствіе сего, я депешю на имя главнаго инженера Юговича просилъ его резолюціи: могу ли я рассчитывать на полученіе участка на условленныхъ съ правленіемъ началахъ, или же долженъ возвратиться въ Россію. На эту депешу г. Юговичъ отвѣтилъ мнѣ вновь уклончиво: „Прошу исполнить распоряженіе моего замѣстителя“. Тѣмъ временемъ, 13-го числа утромъ, согласно предложенія г. Игнаціуса, я явился къ нему и заявилъ, что ни на какихъ иныхъ условіяхъ, чѣмъ было договорено съ правленіемъ, я остаться не нахожу возможнымъ и просилъ его вмѣстѣ съ симъ отвѣтить мнѣ официально на мою докладную записку, дабы, въ случаѣ, если придется вернуться въ Россію, имѣть надлежащій оправдательный документъ. На это онъ сказалъ: „Ну, что же дѣлать, очень жаль. Это недоразумѣніе, во всемъ виновато то громадное разстояніе, которое отдѣляетъ насъ отъ Россіи.—Если же вы сами не находите возможнымъ подчиниться моимъ требованіямъ,—то уговорите, пожалуйста, вашихъ служащихъ остаться“.—На это я замѣтилъ, что не только по его просьбѣ, но самъ отъ себя рѣ-

шилъ убѣдительно просить всѣхъ агентовъ моего участка остаться, чтобы этимъ хоть сколько-нибудь облегчить ту гнетущую отвѣтственность, которая лежитъ на мнѣ: многіе изъ служащихъ люди семейные, почти всѣ взяты мною съ мѣстъ, и всѣ они теперь, хотя и невольно, мною обмануты, такъ какъ большинство никогда бы не рѣшилось уѣхать изъ Россіи, если бы могли только предположить, что попадутъ въ далекомъ, чужомъ краю на разные участки, при томъ къ незнакомымъ начальникамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я указалъ г. Игнаціусу тотъ путь, коимъ онъ могъ хоть нѣсколько сгладить тягость положенія и задобрить служащихъ, т.-е. уплатить имъ хотя и не обусловленное жалованье за февраль, въ видѣ добавочныхъ подъемныхъ. Тогда онъ просилъ меня собрать служащихъ на 15 число утромъ и подтвердить это предписаніе визитной карточкой, присланной мнѣ вечеромъ черезъ его довѣреннаго лакея. Одновременно съ этимъ, онъ прислалъ мнѣ уже и официальную бумагу, гдѣ снова не было никакого подтвержденія раскассировки штата, хотя я, какъ говорено было, убѣдительно просилъ г. Игнаціуса дать мнѣ, наконецъ, такое официальное подтвержденіе.

Переговоривъ со служащими, я убѣждалъ ихъ остаться на службѣ, но большинство заявило мнѣ, что не желаетъ остаться. Тѣмъ временемъ я счелъ необходимымъ поставить въ извѣстность о происшедшемъ правленіе общества, надѣясь, что оно войдетъ въ мое положеніе и подтвердитъ справедливыя требованія.

Когда 15-го числа утромъ я, какъ просилъ г. Игнаціусъ, пришелъ къ нему нѣсколько ранѣе прочихъ служащихъ, то онъ встрѣтилъ меня фразою: „Вотъ вы уговорите вашихъ служащихъ остаться, а я вамъ предлагаю мѣсто съ тѣмъ же окладомъ, который вы получаете, при себѣ“. Такъ какъ съ одной стороны я горькимъ опытомъ убѣдился на дѣлѣ, что даже письменныя условія не имѣютъ никакой силы у г. Игнаціуса и могъ вполне основательно предполагать, что, продержавъ меня два, три мѣсяца на такомъ мѣстѣ, онъ вышвырнетъ меня, рассказывая направо и налево (какъ это онъ имѣетъ привычку дѣлать про всѣхъ ушедшихъ даже по собственному почину служащихъ), что „выгналъ“ меня за негодность, и что положеніе ухода моего тогда будетъ совсѣмъ уже иное, съ другой же—не желая выставить себя передъ своими служащими въ неблаговидномъ свѣтѣ лица, заманившаго ихъ ложными обѣщаніями въ полудикую далекую страну, а затѣмъ бросивъ

шаго ихъ на произволъ судьбы изъ-за личныхъ выгодъ, я далъ уклончивый отвѣтъ, все еще надѣясь получить какую-нибудь поддержку отъ правленія. Въ это время собрались мои служащіе, которымъ г. Игнаціусъ объявилъ свое рѣшеніе разбить ихъ по чужимъ участкамъ, тѣмъ болѣе, что я ухожу, отказавшись подчиниться его, Игнаціуса, требованію на раскассировку части служащихъ по чужимъ участкамъ. На это служащіе заявили ему, что они поѣхали служить все вмѣстѣ и при томъ ко мнѣ, знакомому имъ начальнику. Что встрѣтивъ по дорогѣ сначала 4 техниковъ и десятниковъ, а затѣмъ еще человекъ 12-ть, возвращавшихся изъ Маньчжуріи въ Россію, уже узнали, какъ обращаются съ людьми на Китайской Восточной дорогѣ. На это г. Игнаціусъ, вспыхнувъ, закричалъ, что все лица, которыхъ они видѣли, сбродъ, который онъ выгналъ, а затѣмъ прибавилъ: „поэтому-то мы и просили, чтобы штаты набирались самими начальниками участковъ, такъ какъ хорошо знаемъ, что тогда каждый начальникъ привезетъ для себя надежныхъ людей“. Чтобы они хорошенько подумали, а то, въ случаѣ ихъ возвращенія въ Россію, онъ къ каждому изъ нихъ предъявитъ искъ. На что нѣкоторые служащіе, выведенные изъ себя, вѣжливо, но твердо возразили: „какъ бы мы, господинъ помощникъ главнаго инженера, не предъявили бы къ вамъ иска“.

Несмотря на такую угрозу, большинство служащихъ рѣшило возвратиться въ Россію. Тогда я убѣдительно просилъ, особенно низшихъ семейныхъ агентовъ, обдумать свое положеніе и попробовать послужить хотя бы нѣкоторое только время. Тѣмъ временемъ г. Игнаціусъ, пользуясь моимъ совѣтомъ, приказалъ выдать служащимъ жалованье за февраль. Лично же я, обдумавъ положеніе дѣла, твердо рѣшилъ не идти на подставляемую мнѣ ловушку „мѣсто инженера при помощникѣ главнаго инженера Игнаціуса“, но въ то же время рѣшилъ остаться, въ томъ случаѣ, если мнѣ будетъ: 1) гарантирована официально цѣлостность моего штата и право имъ распоряжаться самостоятельно. 2) Дана официальная инструкція, опредѣляющая взаимное положеніе начальника отдѣленія къ начальнику участка, и поставилъ объ этомъ въ извѣстность Игнаціуса. На это я получилъ отъ сего послѣдняго письменное увѣдомленіе, въ которомъ съ достаточною ясностью высказывалось то, что куда бы я ни поѣхалъ: 1) Никакого документа, опредѣляющаго мое служебное положеніе по отношенію къ начальнику отдѣленія, мнѣ не дадутъ. 2) Штатъ мой во всякомъ случаѣ раскассируютъ.

Тогда я также официально въ тотъ же день отвѣтилъ г. Игнаціусу, что такъ какъ требованія его не согласуются съ предложенными мнѣ правленіемъ условіями, на которыхъ я единственно и рѣшилъ поѣхать въ Маньчжурію, то принять участка на иныхъ какихъ-либо условіяхъ я не могу, что же касается до лицъ моего штата, то предоставляю имъ полную свободу дѣйствія. Явившись г. Игнаціусу утромъ 17-го числа, я былъ встрѣченъ словами: „Какой же вы формалистъ. Все вамъ нужно на бумагѣ“. На что я отвѣтилъ, что прослужилъ большую часть службы на казенныхъ дорогахъ, привыкъ къ формальности и точности. „Пожалуйста уговорите только вашихъ служащихъ остаться“.

Въ это время мною была получена, наконецъ, депеша отъ правленія съ указаніемъ, что спросить разъясненія главнаго инженера Юговича по моему дѣлу, чтобы я далъ лично болѣе обстоятельную депешу и, кромѣ того, подождать бы уѣзжать изъ Владивостока до дальнѣйшаго распоряженія правленія. Вслѣдствіе сего, я немедля обратился къ г. Игнаціусу съ просьбою, въ виду полученной мною депеши правленія, не отказать подождать раскассировывать штатъ моего участка до распоряженія правленія, если же онъ не признаетъ возможнымъ этого сдѣлать, сообщить мнѣ объ этомъ письменно. Просьба моя была доставлена г. Игнаціусу въ 9 час. 15 мин. утра. Между тѣмъ уже въ 10^{1/2} час. утра служащіе моего участка сообщили мнѣ, что они уже распределены г. Игнаціусомъ по чужимъ участкамъ. Около 3 часовъ пополудни я изъ своего номера (гостиница „Московское Подворье“) услышалъ громкіе крики на коридорнаго съ упоминаніемъ моей фамиліи и сильные удары въ мою дверь и ко мнѣ въ номеръ ворвался съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ г. Игнаціусъ: „Какую депешу изволили вы давать въ правленіе. Почему вы заставляете меня самого тащиться къ вамъ, чтобы узнать, что вы тамъ изобразили“, закричалъ онъ на меня. Предложивъ г. Игнаціусу стулъ и вѣжливо попросивъ умѣрить нѣсколько свои порывы, такъ какъ онъ находится у меня въ моей частной квартирѣ, я сказалъ, что хотя не обязанъ давать ему отчета въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ, касающихся только лично моей особы, но, не имѣя повода скрывать содержаніе депешъ своей и правленской, охотно ему ихъ покажу, что я сдѣлалъ. Тогда г. Игнаціусъ, переписавъ судорожно лично обѣ депеши, потребовалъ, чтобы я копіи эти удостовѣрилъ своею подписью, на что я отвѣтилъ категорическимъ отказомъ и, поднявшись съ мѣста, сказалъ ему: „До-

вольно, Сергѣй Владиміровичъ, нельзя играть такъ людьми. Полно намъ играть въ прятки. Ясно, какъ Божій день, что я здѣсь совершенно лишній“. Послѣ сего мы разстались. Вслѣдъ засимъ я увѣдомилъ правленіе, что, несмотря на мою просьбу, не раскассировывать моего штата до распоряженія правленія, г. Игнаціусъ назначилъ всѣхъ на чужіе участки и что я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Всѣхъ служащихъ, особенно низшихъ, я еще разъ убѣдительно просилъ попробовать остаться служить, но нѣсколько человекъ изъ нихъ тѣмъ не менѣе наотрѣвъ отказалось и предпочли возвратиться въ Россію, говоря, что послѣ всего случившагося утратили всякое довѣріе къ администраціи дороги.

Нѣсколько дней я напрасно прождалъ отвѣта правленія и только 25-го мая утромъ я получилъ депешу, что вслѣдствіе соотвѣтствующихъ разъясненій инженера Игнаціуса—всѣ мои претензіи признаются неосновательными.

Послѣ подобнаго рода депеши правленія, мнѣ оставалось очевидно только одно: сдать отчетность, пропустивъ таковую предварительно черезъ мѣстнаго нотариуса, а засимъ возвращаться. Посему, донесъ правленію депешою, что мнѣ неизвѣстно разъясненіе, данное инженеромъ Игнаціусомъ, но что всѣ предъявленные имъ мнѣ требованія считаю несогласными съ условіями съ правленіемъ и что убѣжденъ въ полномъ своемъ оправданіи. Засимъ я съ остатками моего штата выѣхалъ Сибирью въ Россію.

Замѣчу, что впоследствии судьба заготовила инженеру Игнаціусу трагическую кончину, онъ, сидя въ ваннѣ, застрѣлился изъ игрушечнаго Монте-Кристо.

26-го мая, сказавъ послѣднее прости негостепріимному Владивостоку, я сѣлъ въ вагонъ Уссурійской дороги, чтобы пуститься въ обратный путь на далекую родину.

Поезда Уссурійской жел. дороги отходили изъ Владивостока въ Хабаровскъ только три раза въ недѣлю, по четнымъ днямъ. Весь переѣздъ въ 700 слишкомъ верстъ совершается въ 30 часовъ. Вагоны на пульмановскихъ телѣжкахъ. Въ числѣ ихъ вагонъ-ресторанъ, гдѣ за сравнительно умѣренную плату можно получить вполне удовлетворительное кушанье. Дорога идетъ сначала по крайне утесистому берегу моря, то входя, то выходя изъ выемокъ, сѣрыя скалы которыхъ еще носятъ на себѣ слѣды сравнительно недавнихъ взрывныхъ работъ. Со стратегической точки зрѣнія нельзя признать эту часть дороги удачно выбранною, такъ какъ она все время проходитъ въ

сферѣ выстрѣловъ непріятельскаго флота, но, говорятъ, необычайныя техническія трудности, представляемыя болѣе закрытымъ направлениемъ, заставили строителей остановиться на настоящемъ. Да и здѣсь кромѣ скалъ, потребовавшихъ громадныя пороховыя и динамитныя работы, пришлось вести линію крайне извилистымъ профилемъ, дабы имѣть возможность подняться хотя бы предѣльнымъ подъемомъ на лежащія по пути возвышенности. Мѣстами путь извивается петлей, чуть ли не въ видѣ восмерки. Не только имѣтъ и помину о полуторныхъ или даже ординарныхъ откосахъ скалистыхъ выемокъ, но подчасъ онѣ чуть ли не съ отвѣсными стѣнами, заставляющими опасаться обваловъ (что, какъ оказывается, уже и случалось). Строителямъ, кромѣ борьбы съ природой, пришлось выдерживать, особенно въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, цѣлыя сраженія со здѣшнимъ „гнусомъ“, то-есть тучами оводовъ, слѣпней, мошки и комаровъ. Пока не было сдѣлано просѣки, насѣкомыя эти буквально облѣпляли и людей и животныхъ, доводя ихъ до полнаго изнеможенія. Нужно видѣть огромнаго уссурійскаго или маньчжурскаго овода, чтобы дать себѣ отчетъ о дѣйствительно „убійственности“ ихъ укусовъ. Твари эти, ростомъ въ $\frac{3}{4}$ —1 дюймъ, свободно прожаливаютъ даже сравнительно толстую суконную одежду. Теперь, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ полосы отчужденія, гдѣ, благодаря просѣкамъ, почти всегда есть легкій вѣтерокъ, ихъ значительно меньше, но все же они являются здѣсь настоящимъ бичемъ.

Большинство станцій Уссурійской дороги носятъ названіе въ честь или извѣстныхъ дѣятелей въ Приморскомъ краѣ, какъ на примѣръ: „Невельская“, „Корфовская“, „Муравьевъ-Амурскій“, или же инженеровъ, строившихъ дорогу, какъ: „Вяземская“, „Бочарово“, „Розенгартовка“, „Дормидоновка“, „Курдюмовка“ и т. д. Есть и станція „Хилково“, въ честь бывшаго министра путей сообщенія. Характеръ мѣстности изъ унылаго и безотраднaго близъ самаго Владивостока, мало по малу оживляется, особенно послѣ ст. Никольское.

Станція эта, съ одноименнымъ городкомъ, расположена на обширной степной равнинѣ лѣваго берега рѣки Суйфуна. Мѣстечко основано въ 1866 г. переселенцами изъ Астраханской и Воронежской губерній, но уже въ 1868 г. было сплошь выжжено хунхузами, то-есть китайскими разбойниками, пытавшимися еще и въ недавнее сравнительно время препятствовать колонизаціи края русскими. Такъ на памяти мѣстныхъ жителей ихъ нападеніе на станцію Муравьевъ-Амурскій, во время

постройки Уссурийской дороги. Главное занятіе никольскихъ жителей—земледѣліе. Въ городѣ квартируютъ также войска.

Весьма красива дальнѣйшая долина рѣки Суифуна, ея роскошная зелень со множествомъ цвѣтовъ: піоновъ, ирисовъ, желтыхъ и красныхъ лилій, колокольчиковъ въ перемежку съ синѣющими верхушками потухшихъ сопокъ; довольно многочисленныя деревни и села, все это, послѣ мрачнаго Владивостока, представляло весьма отрадную картину. Мы подъѣзжаемъ къ станціи Черниговка, въ 1½ верстахъ отъ нея раскинулось громадное хохлацкое село своими бѣленькими хатками, чистенькими, тщательно выстриженными подъ лопатку соломенными крышами невольно переносящее васъ въ милую Малороссію. Волы, тянущіе телѣгу съ усатымъ хохломъ, спокойно покрикивающимъ: „цобъ, цобэ“, все это дополняетъ иллюзію, и какъ-то не хочется вѣрить, что находишься за 9.000 верстъ отъ Украйны. Въ селѣ Черниговкѣ обширныя, повидимому войсковыя, продовольственныя магазины, съ особою къ нимъ отъ станціи вѣткой. Далѣе, между Черниговкою и станціей Спасская, съ лѣвой стороны полотна блеститъ вдали какая-то большая водная поверхность: это озеро—„Ханка“ съ богатыми рыбными ловлями. Поѣздъ замедляетъ ходъ: въ желѣзнодорожномъ полотнѣ начинаются довольно большія трещины, и ощущаются сильныя просадки, это—послѣдствія весеннихъ водъ рѣки Суифуна, широко разливающихся въ этой мѣстности. Насыпь укрѣплена мостовой въ плетняхъ, а въ мѣстахъ, гдѣ къ ней подходятъ ложа особенно—глубокихъ весеннихъ протоковъ—устроены настоящіе контръ-форсы изъ каменныхъ отсыпей въ плетняхъ.

Отъ станціи „Бикинъ“ характеръ мѣстности снова мѣняется, мы въѣзжаемъ въ „тайгу“, но не симпатиченъ этотъ лѣсъ: высокія, тощія деревья, то корявыя, то криво-растущія, съ жалкою листвою и еще болѣе убогою хвоею, массою сухоподстоя,—ясно свидѣтельствуютъ, что въ нихъ нѣтъ силы роста, благодаря или болотистой мѣстности, или же тому обстоятельству, что подъ тонкимъ, верхнимъ слоемъ растительной земли—сплошная скала. Мѣстами картина еще унылѣе: вы ѣдете цѣлыя десятки верстъ по сплошь обгорѣлымъ лѣсамъ, это слѣды прежнихъ, а часто и недавнихъ лѣсныхъ пожаровъ, или, по мѣстному названію, „паловъ“. Такіе палы происходятъ, съ одной стороны, отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, а съ другой—отъ нарочно ежегодно весной и осенью пускаемыхъ мѣстнымъ населеніемъ пожаровъ, въ цѣляхъ уничтоженія огнемъ

засохшей прошлогодней травы, препятствующей росту свѣжей. Въ предотвращеніе этого ужаснаго по своимъ послѣдствіямъ зла, и въ виду невозможности запретить населенію выжигать свои покосы, какъ мѣру, по мѣстнымъ условіямъ, необходимую, властями установленъ порядокъ цусканія паловъ, при соблюденіи котораго выжигается только пространство, предварительно обойденное охранною полосой, отъ которой и должно начинаться выжиганіе, такъ чтобы огонь шелъ отъ окружности къ центру обойденнаго участка. Кромѣ паловъ, лѣсамъ въ значительной степени вредитъ здѣсь и другое обстоятельство, хищническія порубки, доведшія дѣло мѣстами до того, что ближайшіе къ населеннымъ пунктамъ годные для постройки лѣса уже истреблены настолько, что окрестные жители иногда чувствуютъ даже недостатокъ въ лѣсныхъ матеріалахъ на удовлетвореніе своихъ домашнихъ нуждъ. Отрадно то обстоятельство, что, по крайней мѣрѣ, желѣзная дорога не будетъ способствовать хищническому лѣсоистребленію: на трети пути между Владивостокомъ и Никольскимъ въ 1894 г., близъ самой линіи, открыты горнымъ инженеромъ Горловымъ богатые каменноугольныя залежи, запасъ угля въ которыхъ исчисляется въ 200.000.000 пудовъ слишкомъ.

Между станціями „Розенгартовка“ и „Иловайская“ начинается подъемъ на горный кряжъ. Поѣздъ ползетъ въ гору по винтовой линіи. Мѣстами производится досыпка полотна, мѣстами дерновка откосовъ. Кое-гдѣ китайскіе рабочіе домами откалываютъ слишкомъ ненадежныя, нависшія, въ каменистыхъ выемкахъ, надъ самымъ путемъ каменные глыбы. Подъѣзжаемъ къ станціи „Вяземская“. Здѣсь депо, мастерскія и казармы желѣзнодорожнаго баталіона. (Замѣчу, что машинисты, помощники ихъ, стрѣлочники, составители и часть дорожныхъ рабочихъ на Уссурійской дорогѣ — изъ числа чиновъ желѣзнодорожнаго баталіона). Отъ „Вяземской“ мѣстность еще безотрадная: буреломъ и палы до самой „Дормидоновки“. Отмѣчу высокій большой желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку „Хорь“. За „Корфовскою“ станціей мѣстность нѣсколько лучше: слѣва высокія горы, сплошь поросшія густымъ лѣсомъ, сама же линія идетъ по нѣсколько болотистому тальвегу. Ближе къ Хабаровску пейзажъ опять весьма унылъ: лѣсъ рѣдѣетъ, и всѣ деревья растутъ почему-то совершенно наклонно.

Послѣдній свистокъ — и мы подъѣзжаемъ къ вокзалу станціи „Хабаровскъ“. Вокзалъ расположенъ въ разстояніи около 2 верстъ отъ города, извожиковъ мало, и они дерутъ неизмовѣрно

высокія цѣны. Кое-какъ сторговываюсь и ѣду отыскивать себѣ пристанище до отхода ближайшаго почтоваго парохода. Направляюсь сначала въ лучшую по мѣстнымъ понятіямъ гостиницу „Лондонъ“. Меня подвозятъ къ какой-то харчевнѣ съ вышеозначенною громкою вывѣскою, хозяинъ которой, грузинъ изъ ссыльныхъ, объявляетъ, что все у него занято. Рыщу по городу еще около часу по разнымъ болѣе или менѣе подозрительнымъ меблированнымъ комнатамъ и подворьямъ—все занято. Наконецъ, въ труппѣ, носящей названіе „Эльдорадо“, нахожу свободную каморку, величиной въ 3 квадратныя сажени; сквозь дощатыя стѣны, заклеенныя грошевыми обоями, слышно рѣшительно все, что происходитъ въ сосѣднихъ номерахъ, а желающіе могутъ и видѣть, что тамъ дѣлается, благодаря многочисленнымъ прорѣхамъ въ обояхъ и щелямъ разошедшихся дощатыхъ перегородокъ.

Такимъ образомъ волей-неволей слышу черезъ стѣны, что оба сосѣдніе съ моимъ номеромъ заняты служащими, направляющимися на постройку Маньчжурской дороги: въ одномъ семья изъ мужа, жены и 5 человѣкъ дѣтей; въ другомъ—двѣ барыни съ ребенкомъ, жены, слѣдующія за своими мужьями, уѣхавшими ранѣе. Справа крикъ и плачь дѣтей, слѣва—неугомонное стрекотаніе обѣихъ барынь до самой глубокой ночи, прерываемое плачемъ ребенка. Пріятное сосѣдство для человѣка, жаждущаго выспаться. Дощатую дверь изъ моего номера въ коридоръ всю покоробило, и всякій свободно можетъ заглядывать ко мнѣ черезъ образовавшуюся такимъ путемъ щель. Въмѣсто рукомоиника—грязный заржавленный тазъ, а для мыла—сардиочная коробка. За такую прелесть пришлось мнѣ платить по 2 рубля въ сутки, не считая самоваровъ и постельнаго бѣлья. Прислуга—грязный китайскій „бой“ съ довольно сильнымъ запахомъ пресловутой черемши. И всѣ поневолѣ останавливаются въ подобнаго рода труппахъ, посѣтуютъ на грязь и непорядки, тѣмъ дѣло и кончается. Содержатели же мѣстныхъ гостиницъ и т. п. заведеній, очевидно, хорошо знакомы съ этою стороною русскаго характера. Вотъ почему и нечего надѣяться, чтобы здѣсь, на Дальнемъ Востоцѣ, когда-либо была бы выстроена порядочная гостиница кѣмъ-либо изъ русскіхъ предпринимателей. По слухамъ, кое-кто изъ иностранныхъ капиталистовъ посылалъ уже агентовъ во Владивостокъ и Хабаровскъ, чтобы ознакомиться на мѣстѣ, насколько прибыльно было бы устройство образцовыхъ отелей. Я лично предсказываю имъ несомнѣнный успѣхъ, особенно послѣ окончанія Амурской дороги.

Хабаровскъ расположенъ на правомъ, возвышенномъ (60 футовъ надъ уровнемъ воды) берегу Амура, при впаденіи въ него рѣки Уссури. Основанъ онъ въ 1858 г., въ видѣ военнаго передоваго поста, 3-мъ Восточно-Сибирскимъ линейнымъ батальономъ и названъ въ честь казачьяго атамана Ерофея Хабарова. Преданіе говоритъ, что первыя извѣстія объ Амурскомъ краѣ принесены были въ 1639 году партіей Томскихъ казаковъ подъ начальствомъ Ивана Москвитина. Засимъ уже Ерофей Хабаровъ, получивъ позволеніе отъ Якутскаго воеводы Франсбекова, отправился съ 70 казаками въ 1649 году „привести подъ Государеву высокую руку Даурскаго князя Лавкая“. Спустившись по рѣкѣ Амуру до рѣки Зей, Хабаровъ три года не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей, вслѣдствіе чего на розыскъ его была отправлена партія подъ начальствомъ Зиновьева. Разысканный и обвиненный въ нераспорядительности, Хабаровъ былъ увезенъ въ Москву, а дальнѣйшее изслѣдованіе новой страны было поручено атаману Онуфрію Степанову.

Петръ I и Екатерина II уже имѣли виды на прочное завоеваніе Амурскаго края. Александръ I отправилъ даже въ Пекинъ, подъ начальствомъ Головкина, особое посольство, дабы добиться свободнаго плаванія по рѣкѣ Амуру, но безуспѣшно. До Николая I, однакоже, никто не придавалъ важнаго значенія такому плаванію, ибо полагали, что устье Амура недоступно большимъ судамъ вслѣдствіе песчаныхъ отмелей. Только въ 1849 г. капитанъ Незельскій вошелъ на транспортѣ „Байкаль“ въ устье Амура.

Уже въ 1854 г. снаряжается экспедиція подъ начальствомъ Н. И. Муравьева (впослѣдствіи графъ Муравьевъ-Амурскій), состоявшая изъ 800 человекъ. Въ 1855 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о занятіи лѣваго берега рѣки Амура, и снаряжена вторая экспедиція съ войсками и крестьянами для колонизаціи. 16 мая 1858 г. графъ Муравьевъ и китайскій князь И-Шанъ подписали такъ называемый „Айгунскій“ трактатъ, а 2 ноября 1860 г. графомъ Игнатьевымъ заключенъ еще новый договоръ въ Пекинѣ, коимъ подтверждалось занятіе русскими Амурскаго края, съ точнымъ опредѣленіемъ его границъ.

Съ 1880 г. Хабаровскъ назначается областнымъ городомъ, а съ 1884 г.—мѣстопробываніемъ генераль-губернатора всего Пріамурскаго края.

Несмотря на свое сравнительное недавнее происхожденіе, Хабаровскъ производитъ гораздо лучшее впечатлѣніе, нежели Владивостокъ: прямыя широкія улицы, множество зелени, до-

вольно значительное количество красивыхъ каменныхъ зданій, какъ, напримѣръ: дворецъ генералъ - губернатора, зданіе публичной библіотеки (въ видѣ русской избы), мѣстный музей, прекрасное офицерское собраніе и др., все это, а въ особенности чудесный городской садъ, довольно располагаетъ въ пользу молодого города. Городской садъ на самомъ крутомъ берегу рѣки, съ широчайшимъ горизонтомъ на десятки верстъ—разлива рѣкъ Амура у Уссури, испещреннаго безчисленными зелеными островками. Садъ содержится вполнѣ прилично. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ его—памятникъ Муравьеву-Амурскому, работы академика Опекушина. Я попалъ въ Хабаровскъ въ разгаръ Пушкинскихъ празднествъ. Въ саду играла музыка, приготовлялись иллюминаціи и фейерверкъ. Молодежь въ праздничномъ настроеніи сновала по всѣмъ аллеямъ. Веселый говоръ и звуки музыки, къ моему удивленію, нисколько не препятствовали многочисленнымъ соловьямъ, гнѣздившимся по деревьямъ—разсыпаться въ самыхъ разнообразныхъ треляхъ. Замѣчу только, что уссурійскому соловью далеко до его русскаго собрата, голосъ его какъ-то жестче и отрывистѣе.

Выше я упоминалъ о нѣкоторыхъ особо выдающихся зданіяхъ Хабаровска. Интересно то, что большинство ихъ построено изъ весьма красиваго сѣраго кирпича, а пилястры, карнизы и другія выступающія части изъ краснаго кирпича. Оказывается, что сѣрый кирпичъ получается не изъ сѣрой глины, а изъ красной, путемъ пропуска черезъ раскаленный кирпичъ въ извѣстный моментъ водяныхъ паровъ. Видъ зданій изъ сѣраго кирпича весьма наряденъ, а цѣлесообразность несомнѣнна въ виду экономіи въ окраскѣ.

Очень хорошъ соборъ, расположенный на одномъ изъ самыхъ высокихъ пунктовъ города. Если съ теченіемъ времени, что несомнѣнно, исчезнутъ въ Хабаровскѣ всѣ теперешнія деревянныя лачуги, замѣнившись хорошими каменными строениями, то городъ этотъ можно будетъ безспорно назвать однимъ изъ красивѣйшихъ во всей Россійской Имперіи.

Осмотрѣвъ достопримѣчательности Хабаровска, я отправился на пароходную пристань узнать, когда придетъ ближайшій почтовый пароходъ; съ товаро-пассажирскими, по отзыву бывалыхъ людей, ѣхать рискованно: въ случаѣ временнаго спада воды, пароходыят и довозятъ васъ до той или другой пристани, иногда за нѣсколько сотъ верстъ до конечной, и преспокойно высаживаютъ васъ на берегъ, а сами уходятъ обратно; почтовый же пароходъ большимъ штрафомъ обязанъ доставить почту, а слѣдовательно

тѣмъ или другимъ путемъ (напримѣръ, перегрузкой на болѣе мелкосидящій пароходъ или баржу на буксирѣ маленькаго пароходика) самыхъ пассажировъ до мѣста назначенія.

По пути на пристань пришлось проходить черезъ мѣстный базаръ, расположенный почти на самомъ берегу рѣки. Большинство лавокъ принадлежитъ китайцамъ. Товаръ тотъ же, что и во Владивостокѣ. Много овощей, много и рыбы. При мнѣ притянули на буксирѣ лодку съ громадною, только-что пойманною калугою (бѣлугой), длиной по меньшей мѣрѣ въ 7 аршинъ. Тутъ же на берегу еще живую, ее выпотрошили и выбрали свыше пуда прекрасный зернистой икры. По справкамъ оказывается однако, что рыболовство далеко не процвѣтаетъ въ той степени, какъ можно было бы этого ожидать, судя по обилію рыбы. Причина — недостаточная предприимчивость мѣстныхъ жителей. Здѣсь ловятся: калуга (до 40 пудовъ), осетръ, кэта (родъ лососины). Особенно много кэты. Рыба эта поднимается въ сентябрѣ съ моря вверхъ по Амуру, при томъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что, подчасъ, запруживаетъ собою многочисленные амурскіе протоки, а вода даже пріобрѣтаетъ запахъ рыбы. Цѣна осетрины 5 р. 50 к., калуги — 4 р. 50 к. — 8 руб., кэты — 1 р. 60 к. — 4 руб. за пудъ. Икра паюсная 1 р. фунтъ. зернистая 1 р. 20 к. — 1 р. 60 к. Болѣе мелкая рыба: судакъ 4—8 коп. фунтъ, сигъ 15—20 к. за фунтъ.

На пароходной пристани довольно много самаго разнообразнаго типа пароходовъ: есть здѣсь пароходы съ громадными красными колесами, помѣщенными свадн, за самою кормой. Пароходы эти въ насмѣшку зовутся тутъ кличкой „силозадовъ“. Есть и обыкновенные пароходы съ боковыми колесами. Есть и небольшіе винтовые. Плесо р. Амура отъ Хабаровска и ниже до самаго Николаевска доступно, при нѣкоторой осторожности, и большимъ морскимъ судамъ, что показали, въ недавнее сравнительно время, два большія японскія военныя судна, побывавшія въ Хабаровскѣ, о нашихъ же почему-то ничего не слышно. Выше же Хабаровска, на протяженіи 706 верстъ до Благовѣщенска, могутъ ходить пароходы съ осадкой не свыше 4 футовъ. А отъ Благовѣщенска до Срѣтенска только съ осадкой до 2 футовъ. Все это само собою относится къ межени, а не къ полноводью.

Пароходныхъ обществъ на Амурѣ два: старое и новое. Старое дышетъ на ладанъ. Дѣла новаго, хотя и субсидируемаго правительствомъ, ради поддержки почтоваго пароходства, также плохи, но все же суда послѣдняго, по крайней мѣрѣ, гораздо

исправи́те и надежны́е, чѣмъ у перваго. Нѣкоторыя же пароходы (выстроенныя большею частью на заводѣ Джона Кокерля въ Бельгiи) прямо таки прекрасныя ходоки. Таковъ, на примѣръ, „Баронъ Корфъ“, двупалубный пароходъ американскаго типа, на которомъ мнѣ удалось себѣ достать билетъ для дальнѣйшаго пути вверхъ по Амуру. Намѣреваясь взять въ кассѣ пароходной конторки на пристани билетъ на отдѣльную, одномѣстную малую каюту, я получилъ отвѣтъ, что послѣдняя изъ свободныхъ такихъ каютъ занята для военнаго атташэ при японскомъ посольствѣ въ С.-Петербургѣ.

Удовольствовавшись посему мѣстомъ въ общей двуспальной каютѣ, я перебрался на пароходъ и занялся наблюденіемъ за прибывающими на него пассажирами: особенно интересно было переселеніе труппы малороссовъ г. Украинцева, со всѣмъ ся багажомъ, а также и прибытіе японскаго атташэ, полковника Мурата (оказавшагося впоследствии милѣйшимъ и симпатичнѣйшимъ спутникомъ моимъ черезъ всю Сибирь). Полковникъ въ полной формѣ, близко напоминающей теперешнюю форму французскихъ офицеровъ, съ грудью, покрытою множествомъ орденовъ, прощался съ японскою колоніей Хабаровска, состоявшею большею частью изъ ремесленниковъ; люди эти и жены ихъ низко присѣдали, какъ это принято въ Японіи, и наперерывъ старались угодить высокопоставленному соотечественнику, таская съ пристани въ каюту его багажъ. Наконецъ, грузка и проводы окончились, раздакъ послѣдній протяжный свистокъ, и мы плавно тронулись вверхъ по великой рѣкѣ.

Нашъ русскій Миссиссипи, рѣка Амуръ получила свое названіе, какъ говорятъ, отъ тунгусскаго слова амуръ „добро пожаловать“, коимъ, по преданію, привѣтствовали первыхъ русскихъ мѣстные инородцы. Вскрываясь между 9 и 20 апрѣля и замерзая въ промежуткѣ съ 23 октября по 11 ноября (1890 г.), великій водный путь этотъ открытъ, такимъ образомъ, для судоходства въ среднемъ шесть мѣсяцевъ. Если же принять во вниманіе, такъ называемую, „шугу“, то-есть мелкій кашеобразный ледъ, идущій по рѣкѣ иногда уже въ первыхъ числахъ октября, то за судоходный періодъ можно считать 5¹/₂ мѣсяцевъ. Правый берегъ рѣки—Маньчжурія. Лѣвый—русскій. Средняя ширина собственно русла Амура въ межень отъ 200 до 500 сажень, но есть плеса шириной до 2 версты.

Мы плыли по рѣкѣ послѣ сильной прибыли воды съ верховьевъ, разливъ затопилъ, поэтому, своими черновато-бурыми водами значительную часть поймы, превративъ ее въ громадное

озеро съ безчисленнымъ количествомъ большихъ и малыхъ островковъ, поросшихъ свѣжею густою зеленью. Множество унесенныхъ водой сучьевъ, пней и даже цѣлыхъ деревьевъ неслись быстрымъ теченіемъ намъ навстрѣчу, то и дѣло ударяя то въ носъ судна, то въ кожухи колесъ, а иногда даже и въ самыя лопасти. День былъ ярко-солнечный.

Картина могучаго разлива рѣки, окаймленнаго вдали синевой горъ, зелень острововъ и видѣвшійся вдали на горѣ Хабаровскъ (мы продолжали видѣть его, даже отѣхавъ на разстояніе свыше 40 верстъ), все это представляло чудное зрѣлище, оживляющееся еще и жизнью на самой рѣкѣ: много лѣсныхъ плотовъ, съ дымкомъ разложенныхъ на нихъ костровъ; неуклюжія китайскія джонки съ парусами изъ цыновокъ; дощаники русскихъ торговцевъ (спускающихся отъ Срѣтенска до Николаевска съ краснымъ и другимъ товаромъ), съ прибитыми на нихъ вывѣсками. Попутные и встрѣчные пароходы свидѣтельствовали о возродившейся послѣ зимняго сна дѣятельности могучей рѣки.

Оторванный отъ созерцанія чудной картины призывомъ къ обѣду, я могъ за столомъ присмотрѣться къ своимъ сотоварищамъ по путешествію. Японскій полковникъ „Колонель“ Мурата, какъ онъ мнѣ отрекомендовался, директоръ датскихъ телеграфныхъ линій на Дальнемъ Востоку г. Ганзенъ съ женой, инспекторъ Русскаго страхового общества въ Сибири Г. М., окружной врачъ мѣстнаго района, уполномоченный фирмы Кунстъ и Альбертсъ, капитанъ-топографъ съ женой, вдова утонувшего недавно въ Портъ-Артуръ капитана г-жа Гаврилова, агентъ Путиловскаго завода г. С., чиновникъ мѣстной каторжной администраціи г. Г. и мировой судья города Хабаровска г. Гандилье, только-что оправившійся отъ раны, полученной имъ на дуэли,—составляли наше общество пассажировъ I класса, которому прислуживалъ единственный пароходный лакей-фактотумъ „Харитонъ“.

Харитонъ настолько оригиналенъ, что заслуживаетъ нѣсколько болѣе подробнаго описанія: это сухопарый, долговязый, какъ журавль, мужчина съ бритымъ лицомъ, длинными волосами, въ сѣрой поношенной парѣ и красномъ галстухѣ. Невозмутимый, съ доброю, иногда печальною улыбкой, онъ не спѣша поспѣвалъ, однако, обслуживать всѣ наши 12 каютъ и общій столъ. Нѣкоторая порядочность манеръ обличала, что, можетъ быть, въ далекомъ прошломъ этотъ „человѣкъ“ былъ чѣмъ-нибудь другимъ по своему общественному положенію. Мы вскорѣ всѣ перезнакомились: мой визави, инспекторъ страхового обще-

ства, усердно училъ Колонеля, какъ добиться „по-русски“, чтобы Харитонъ принесъ ему огурецъ.

Это, какъ оказалось, было началомъ дальнѣйшихъ ежедневныхъ уроковъ русскаго языка, такъ что въ концѣ нашего пути, г. Мурата могъ уже довольно сносно объясняться и безъ помощи переводчика.

Я лично вступилъ въ разговоръ съ окружнымъ врачомъ.

Любезный собесѣдникъ мой жаловался на крайнюю трудность вездѣ посигать съ помощью, въ виду громадности подвѣдомственнаго ему района. То же обстоятельство, въ связи съ дурными дорогами, препятствуетъ, по его словамъ, контролю надъ фельдшерами врачебныхъ пунктовъ, которые поэтому, за немногими исключеніями, пьютъ горькую и мало приносятъ пользы обывателямъ.

Въ настоящее время, по счастью, на дороги уже обращено надлежащее вниманіе, и предположено провести шоссе отъ Хабаровска до Благовѣщенска. Часть дороги уже находится въ постройкѣ, и концу лѣта будутъ-де окончены первыя 60 верстъ. Работа ведется каторжными подъ надзоромъ, съ административной стороны, нашего спутника, чиновника г. Г., а съ технической—инженера при пріамурскомъ генераль-губернаторѣ.

При проведеніи шоссе приходится бороться съ большими трудностями. Особенно много сравнительно-высокихъ (до 4 саж.) насыпей, а одна дамба тянется тамъ цѣлыя 14 верстъ. Шоссе мѣстами идетъ параллельно Амуру, мѣстами, ради болѣе короткаго разстоянія, отклоняется довольно сильно въ сторону.

Изъ болѣзней въ здѣшней мѣстности свирѣпствуютъ, по словамъ окружнаго врача, оспа, проказа и цынга (особенно среди корейцевъ). Причиной двухъ послѣднихъ болѣзней онъ считаетъ повсемѣстное употребленіе почти исключительно одной только рыбной пищи.

Довольно значительно количество убійствъ, съ необходимостью ѣзды для судебныхъ вскрытій, часто за цѣлыя сотни верстъ, въ значительной степени усугубляетъ трудность врачебной службы въ этомъ краѣ.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ извѣстіемъ, что замѣтили плывущій по рѣкѣ трупъ утопленника-китайца, явленіе въ здѣшнихъ водахъ, какъ оказывается, заурядное. Убиваютъ и кидаютъ въ рѣку и китайцы, и русскіе: это наилучшій способъ сбыть съ рукъ покойника. Вину же валяютъ почти всегда на однихъ „хунхузозъ“.

Кстати о послѣднихъ. Докторъ припомнилъ, что въ ночь на 20 мая (1899 г.) на китайскій пикетъ, находящійся на Маньчжурскомъ берегу, противъ станицы Екатерино-Никольской, и состоящій изъ 35 солдатъ подъ начальствомъ нойона (офицера) напали „хунхузы“. Пикетъ при первыхъ же выстрѣлахъ разбѣжался. Хунхузы разграбили фанзу (китайскій домъ), гдѣ помещался пикетъ, и уплыли съ добычей внизъ по рѣкѣ. Наши казаки, жители Екатерино-Никольской, усыхавъ выстрѣлы, не вытерпѣли, бросились въ лодки и, переплывъ рѣку, устремились къ фанзѣ, но отъ хунхузовъ и слѣдъ простылъ. Къ этому г. Гандилье прибавилъ, что онъ принималъ участіе въ облавѣ на этихъ хунхузовъ, устроенной на паровомъ суднѣ, по распоряженію русской администраціи, до свѣдѣнія которой дошло, что хунхузы послѣ грабежа скрываются на лодкахъ въ одномъ изъ многочисленныхъ амурскихъ затоновъ. На самомъ дѣлѣ удалось захватить изъ нихъ 5 человекъ, сплавлявшихъ по рѣкѣ муку, награбленную въ фанзѣ китайскаго пикета.

Несчастные, оборванные, голодные хунхузы слезно умоляли заключить ихъ на вѣки вѣчные въ русскую тюрьму, но только не выдавать ихъ китайскимъ властямъ, гдѣ ждала ихъ жестокая казнь. По словамъ г. Гандилье, это общая просьба всѣхъ китайскихъ преступниковъ, попадавшихъ въ руки русскихъ.

Дѣйствительно, если судить по разговорамъ очевидцевъ и по той фотографіи съ казни хунхузавъ на берегу Амура, которую мнѣ удалось пріобрѣсти, китайскіе порядки напоминаютъ еще и теперь времена разгара инквизиціи: мнѣ рассказывалъ очевидецъ про казнь женщины, уличенной въ измѣнѣ своему мужу. Несчастную поставили на колѣни, вырѣзали сначала обѣ груди, потомъ полосу кожи на лбу, потомъ распороли животъ, и только послѣ этого отрубили голову.

Не лучше китайцевъ ведутъ себя и пресловутые чины охраны, набранной для Маньчжурской дороги: у насъ на буксирѣ плыла баржа „Минеръ“ съ 6 нижними чинами охраны, арестованными за разнообразныя злодѣянія: оказывается, что „бесплатная“ фуражировка въ китайскихъ деревняхъ, насилуваніе женщинъ и прикалываніе въ первыхъ же кустахъ порученнаго ихъ конвою, для доставленія въ ближайшую „холодную“, провинившагося чѣмъ - либо китайскаго рабочаго, дѣло для многихъ изъ такихъ „охранныхъ“ совершенно обычное. И вотъ такой-то отбросъ тащилъ за нами „Минеръ“ для передачи въ руки правосудія.

Тяжелое впечатлѣніе разсказа нѣсколько сгладилось роскош-

нымъ зрѣлищемъ солнечнаго заката, при которомъ вершины горъ, окаймлявшія вдали долину праваго берега Амура, казались окутанными въ какую-то голубовато-розовую прозрачную фату.

30 мая. Снова яркій солнечный день. Прибыль воды въ рѣкѣ, повидимому, еще усилилась: воды окрашены въ грязный мутно-бурый цвѣтъ. На поверхности плыветъ много дровъ, что показываетъ, что затоплены уже сравнительно высокія мѣста.

Перегоняемъ землечерпательную машину на буксирѣ парохода. № 4 Маньчжурской дороги. Русскій берегъ плоскій. Маньчжурскій холмистый, покрытый богатымъ ковромъ травы, вышиной уже теперь съ полроста человѣка (къ концу лѣта трава бываетъ выше человѣческаго роста). По дугамъ раскинуты то тамъ, то сямъ деревья. На одномъ изъ холмовъ—сѣрая голая скала. На берегу рѣки нѣсколько гольдскихъ хижинъ.

Мы подъѣзжаемъ къ Михайло-Семеновской станицѣ съ одноименною пристанью. Станица основана въ 1858 г. Здѣсь астрономическій пунктъ ($47^{\circ}56'$ с. ш. и $150^{\circ}36'$ в. д.) и водомѣрный постъ. Въ общемъ она производитъ довольно убогое впечатлѣніе: избы деревянныя, крытыя тесомъ, какъ попало: одна тесина короче, другая длиннѣе. Фронтоны подъ крышами ничѣмъ не защищены, давая, такимъ образомъ, свободный доступъ дождю и снѣгу къ потолку. Есть деревянная церковь. На самомъ берегу крестъ: это могила капитана парохода „Читы“, погибшаго за нѣсколько лѣтъ передъ симъ при столкновеніи этого судна съ другимъ противъ самой станицы.

Занятіе жителей—земледѣліе, рыбный и звѣриный промыселъ, почтовая гоньба и заготовка дровъ для пароходовъ. Периодическіе разливы рѣки Амура и эпизоотія (сибирская язва) сильно препятствуютъ преуспѣванію поселка. Станица, по близости своей къ устью руки Сунгари, протекающей черезъ центральную Маньчжурію, служитъ торговымъ пунктомъ для сунгарскихъ китайцевъ, которые сплавляютъ сюда хлѣбъ.

Въ Михайло-Семеновской сѣлъ къ намъ новый пассажирь-мѣстный (благовѣщенскій) богатый торговецъ-подрядчикъ Серебренниковъ. Вскорѣ показалось и устье рѣки Сунгари, съ расположенными невдалекѣ отъ него какими-то красными и бѣлыми строеніями: это Лахасу — одинъ изъ главныхъ складовъ Маньчжурской дороги.

Хотя по буквѣ закона доступъ русскимъ судамъ по Сунгари былъ предоставленъ еще первою статьей Айгускаго договора, но только въ 1895 г. удалось получить фактическое позво-

леніе на это китайцевъ, и 7 іюня того же года поднялся вверхъ по этой рѣкѣ первый русскій пароходъ. Телеграфъ, снаряженный хабаровскими купцами Богдановымъ и Тифонатаемъ. Въ настоящее же время, какъ я уже говорилъ выше, это главная артерія подвоза матеріаловъ къ Маньчжурской дорогѣ.

Рѣка была довольно подробно обследована зимой 1898/99 г. особою описною партіей, и снятъ обстоятельный планъ ея, съ нанесеніемъ промѣровъ русла. Конечно, многое еще не точно и не совсѣмъ, быть можетъ, и вѣрно, но все же этотъ первый трудъ—громадное подспорье судоходству. Главные складочные пункты Маньчжурской дороги на рѣкѣ Сунгаря: Лахасу, Санъсинъ и Харбинъ. Общая жалоба на рѣку, это ея мелководье на каменистыхъ перекатахъ и значительная извилистость фарватера, благодаря чему приходится подвергать суда неминуемымъ аваріямъ. Такъ, въ минувшій періодъ судоходства, какъ передавалъ мнѣ г. Серебренниковъ, за арендованный Маньчжурской дорогою у мѣстнаго управленія водяными путями пароходъ, въ которомъ оказалось до 13 пробойнъ, пришлось уплатить управленію большія деньги.

Въ ночь съ 30 на 31 мая намъ пришлось стоять изъ-за непрогляднаго тумана. Утромъ мы повстрѣчали сторожевой казачій пароходъ. Рѣка сдѣлалась шире, доходя мѣстами до 2-хъ верстъ. Горы (Буреинскій хребетъ и Малый Хинганъ) перешли съ китайскаго на русскій берегъ, на которомъ вскорѣ показалась Екатерино-Никольская станица. Поселокъ этотъ основанъ въ 1858 г. и названъ въ честь графини Екатерины Николаевны Муравьевой. Это одна изъ лучшихъ амурскихъ станицъ. Ея церковь окружена тѣнистымъ паркомъ. Да и вообще у каждаго домика много зелени. Бѣленькія чистенькія казармы казачьей сотни расположены также среди рощи. На небольшомъ курганѣ пара старыхъ пушекъ на полуразвалившихся лафетахъ. За околицей станицы громадная, высокая, сѣрая, поросшая мѣстами лѣсомъ, скала, съ крестомъ на самой вершинѣ. Занятіе жителей станицы: земледѣліе, огородничество, лѣсной промыселъ и извозъ.

На пристани толпились при нашемъ приближеніи дѣвочки и женщины, продававшія ландыши, молоко (10 к. бутылка), сметану (20 к. стаканъ), творогъ (30 к. тарелка), яйца (20 к. десятокъ) и крупный красный картофель (30 к. мѣра). На китайскомъ берегу уныло развѣвалось, какъ бы памятуя о своемъ недавнемъ посрамленіи, красное знамя китайскаго пикета, разграбленнаго, какъ я говорилъ выше, хунхузами. Сама фанза окру-

жена со всѣхъ сторонъ густымъ лѣскомъ, благодаря, которому разбойники, очевидно, и могли подкрасться незамѣченными.

Впрочемъ, если посмотрѣть на мѣстнаго нойона, съ вѣромъ въ рукахъ, и на неуклюжихъ его воиновъ, а особенно послушать рассказы нашего любезнаго японскаго полковника о послѣдней Японско-Китайской войнѣ, который въ самыхъ яркихъ краскахъ описываетъ трусость и нераспорядительность китайскихъ офицеровъ, а не ихъ солдатъ, которые подчасъ дрались весьма храбро, то не будетъ казаться удивительнымъ, что горсть несчастныхъ разбойниковъ могла обратить въ бѣгство отрядъ регулярныхъ войскъ.

Начиная отъ Екатерино-Никольской, весь русскій берегъ крайне гористъ. Эти остроги „Малаго Хингана“, иначе называемаго Буреинскимъ хребтомъ: горы покрыты кустарникомъ и невысокими деревьями. Мѣстами обнажаются отдѣльныя сѣрыя скалы, мѣстами выклиниваются наслоенія желтоватаго камня, съ ясно обнаруженнымъ паденіемъ пластовъ подъ угломъ въ 45° и какими-то сѣробурыми (вѣроятно, желѣзистыми) потоками.

Весьма любопытно, что, ютясь въ расщелинахъ такихъ косыхъ наслоеній, и самыя деревья растутъ почти совершенно правильными наклонными аллеями.

Ильвемъ дальше. Вотъ показалась на правомъ берегу китайская деревушка: фанзы сплошь глинобитныя, съ тростниковыми крышами и маленькими окошечками, залѣпленными промасленною бумагой. Версть 20 выше Екатерино-Никольской, горы снова начинаютъ появляться и на Маньчжурскомъ берегу. Рѣка постепенно стѣсняется между ними до 250 — 300 сажень ширины. Хребетъ мало-по-малу все выше и выше. Наконецъ, подъ вечеръ, мы вѣзжаемъ въ настоящее ущелье, по чарующей прелести своей едва-ли уступающее лучшимъ заграничнымъ прославленнымъ видамъ: отпечатокъ дикой дѣвственности еще больше усиливаетъ впечатлѣніе.

Представьте себѣ Амуръ, защемленный между рядами могучихъ, высокихъ (сажень 150—200 высотой) кряжей, сплошь покрытыхъ богатымъ лѣсомъ, сибирскимъ тополемъ съ его бѣлымъ стволомъ, черною и бѣлою березой, дубнякомъ, липами, акаціей, кедромъ, елью, вязами, ясенями, кленомъ, ивой, огромными грецкими орѣшниками и пробковыми дубами, растущими въ перемежку и переплетенными дикимъ виноградомъ и хмѣлемъ. Горы, то выступаая, то отступаая, заставляютъ рѣку дѣлать безчисленные изгибы. Быстрота теченія страшная, и паро-

ходъ нашъ съ трудомъ выгрѣбаетъ впередъ. Чудный горный воздухъ, въ связи съ благоуханіемъ растительности, дѣйствуетъ опьяняющимъ образомъ. Прибавьте къ этому красавицу - луну и мѣстами на Маньчжурскомъ берегу, въ лѣсной чащѣ, огоньки китайскихъ рыболововъ, а можетъ быть и хунхузовъ, и вы легко себѣ представите тотъ, если хотите, восторженный подъемъ духа, который охватилъ наше маленькое общество. Долго сидѣли мы, наслаждаясь величественной картиной, и только поздно, слегка продрогшіе отъ горнаго воздуха, рѣшились покинуть палубу. На утро снова поднялся довольно сильный туманъ, заставившій насъ нѣсколько опоздать приходомъ на слѣдующую попутную намъ пристань „Радде“.

Радде, съ одноименнымъ поселкомъ, расположена на небольшой равнинѣ у подошвы того же Буреинскаго хребта и основана въ 1858 г., получивъ свое названіе въ честь натуралиста Густава Радде, проведеннаго въ здѣшней мѣстности весь 1857 г. Въ селеніи есть часовня въ память избавленія Императора Александра II отъ покушенія 4 апрѣля 1866 г. Занятіе ея жителей: охота, сборъ кедровыхъ орѣховъ, извозъ и заготовка дровъ для пароходовъ. На Маньчжурской сторонѣ, у подошвы высокой горы, китайскій поселокъ и пикетъ, на которомъ развѣвается желтый флагъ съ чернымъ дракономъ. На трети высоты горы — китайская кумирня съ двумя мачтами по бокамъ. Гора покрыта хвоей, кедромъ, лиственницей и пихтой. По слухамъ, недалеко отъ поселка хищническіе золотые прииски.

Версты три за Радде Амуръ дѣлаетъ замѣчательно крутой поворотъ направо. Горы отступаютъ въ синеватой дымкѣ на довольно далекое отъ рѣки разстояніе, а плоскіе берега покрыты ярко-изумрудною зеленью. Дѣлается жарко, и кромѣ того, рой маньчжурскихъ оводовъ, огромныхъ, съ красными глазами, гонитъ насъ не только съ палубы, но и изъ общаго зала въ каюты. То и дѣло слышишь возгласы боли отъ укусовъ этихъ наглыхъ тварей. Особенно достается дамамъ, благодаря ихъ легкимъ тонкимъ платьямъ.

Коротаяю время въ разговорѣ съ г. Ганzenомъ. Ганzenъ — датчанинъ и въ качествѣ директора датскихъ телеграфовъ, прожилъ свыше 15 лѣтъ въ Южномъ Китаѣ. Онъ отзывался съ большою похвалою о добросовѣстности, съ которою китайцы держатъ свое слово. Никакихъ письменныхъ условій и договоровъ у нихъ нѣтъ: они условливаются, ударяютъ по рукамъ, и вотъ весь ихъ договоръ, вексель и т. п. И не было, по его словамъ, примѣра, чтобы китаецъ умышленно нарушилъ свои обязательства.

Слѣдуетъ, конечно, считаться съ ихъ мелкими обманами и хитростью при торговлѣ, но, давъ въ чемъ-либо слово, китаецъ держитъ его свято. Китайцы образцовые семьянины и дорожатъ больше всего на свѣтѣ семейнымъ очагомъ, являясь, въ данномъ случаѣ, образцомъ нравственности.

Продолжая свое повѣствованіе, Ганзенъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, о замѣчательной продѣлкѣ китайскихъ жуликовъ съ телеграфнымъ кабелемъ въ Шанхаѣ. Ганзеномъ былъ проложенъ по дну рѣки Янцзе-Кіанга отъ Шанхая до устья рѣки подводный телеграфный кабель. Вдругъ случился перерывъ въ дѣйствіи телеграфа. Долго доискивались причины. Наконецъ оказалось, что китайскіе мошенники оставили обѣ концевыя части кабеля, а среднюю, длиною около 3-хъ слишкомъ верстъ преспокойно стянули и, разрубивъ на нѣсколько частей, продали на нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ джонокъ, коими заставлена рѣка Янцзе. Здѣсь кабель развили на проволоку.

Зашелъ также у насъ разговоръ про покойнаго Государя Александра III. Ганзенъ распространялся о той всеобщей любви, которою Государь пользовался въ Даніи. Такою же общою симпатіею пользуется и Государыня Марія Ѳеодоровна въ Даніи, каждый пріѣздъ которой въ Данію является настоящимъ праздникомъ для всего населенія.

Берега рѣки принимаютъ все болѣе и болѣе плоскій характеръ, а сама она разливается до 1¹/₂—2 версты въ ширины особенно противъ станицы Касаткиной (основана въ 1858 г. и названа въ честь доктора Касаткина, участвовавшаго въ Амурской экспедиціи 1854 г.). Жители этого поселка много терпятъ отъ разливовъ Амура и, послѣ одного изъ особенно сильныхъ наводненій, перенесли всю станицу на теперешнее, нѣсколько болѣе возвышенное мѣсто, версты за двѣ дальше прежняго. Въ станицѣ на самомъ берегу рѣки триумфальная арка, сохранившаяся со времени путешествія Государя Императора, въ бытность его наслѣдникомъ. Жара стоитъ невыносимая (до 30° вѣтѣни), а оводы дѣлаютъ пребываніе на палубѣ почти невозможнымъ.

Къ вечеру начинается сильнѣйшая гроза съ весьма характернымъ кроваво-краснымъ оттѣнкомъ молніи.

Рѣка сильно мелѣетъ: мы приближаемся къ цѣлой серіи перекатовъ, и пароходъ нашъ, дѣлая ежеминутные промѣры, медленно пробирается по зигзагообразному фарватеру, направляясь по створу перекатныхъ сигнальныхъ мачтъ. Весьма ори-

гинальны нѣкоторыя изъ нихъ: это просто очищенные отъ коры и сучьевъ, растущія у самаго берега деревья, къ стволу которыхъ прибиты стремянки, а къ макушкѣ прикрѣплена соответствующаго цвѣта (красная или бѣлая) доска съ № столба.

Проходимъ мимо Помпеевскаго поселка, откуда большинство жителей выселилось по случаю плохого качества земли: теперь здѣсь только одна почтово-телеграфная станція и нѣсколько жалкихъ хибарокъ.

Подъѣзжаемъ къ Поярковской пристани, откосы береговъ которой, въ защиту отъ Амура, укрѣплены цѣлою щетиною фаншинъ. Здѣсь снова триумфальная арка со свѣже-окрашенной въ ярко-желтый цвѣтъ лѣстницей; ожидается пріѣздъ генераль-губернатора Приамурской области. Краски на всю лѣстницу, очевидно, не хватило, и нѣсколько ступеней рѣзко выдѣляются своею чернотой.

Поярковская станица основана въ 1658 г. казаками и названа въ честь казачьяго головы Василя Пояркова, много потрудившагося въ XVII вѣкѣ въ дѣлѣ завоеванія Амурскаго края. Здѣсь водомѣрный постъ Министерства Путей Сообщенія и одинъ изъ опаснѣйшихъ амурскихъ перекатовъ.

На пристани сѣла къ намъ партія золотоискателей: обрваные, истощенные, они рассказывали, что имъ пришлось, кромѣ прочихъ невгодъ, сильно терпѣть отъ тигровъ, которые постепенно съѣли у нихъ единственныхъ лошадей и вола.

На радостяхъ, что попали опять къ людямъ, золотоискатели перепились, и ихъ пѣсни, игра на гармоніи и ухарское притоптываніе долгое время не давали спать прочимъ пассажирамъ: усмирить же разошедшуюся компанію не было никакой возможности.

Проходимъ „Сычевскій“ перекать: здѣсь рѣка раздѣляется сначала на три, а затѣмъ на 4 рукава, образуя многочисленныя острова, сплошь покрытые густою зеленью. Запахъ цвѣтущей черемухи и смородины пріятно щекочетъ обоняніе. Близъ переката расположенъ одноименный съ нимъ поселокъ, основанный въ томъ же 1658 г. казаками и названный въ честь переводчика Сычева, участника Амурской экспедиціи 1654 года.

Въ 2-хъ верстахъ къ сѣверу отъ этого селенія замѣтенъ остатокъ какихъ-то старинныхъ укрѣпленій. На правомъ берегу рѣки три рыбацкія китайскія фанзы.

3-го іюня проходимъ мимо китайскаго городка Айгуна, прославленнаго заключеніемъ извѣстнаго трактата. Айгунъ находится въ провинціи Хай-лун-дзинъ, въ 30 верстахъ ниже Бла-

говѣщенска. Весь онъ состоитъ изъ убогихъ, частью деревянныхъ, частью глинобитныхъ фанзъ. Въ центрѣ ихъ—квадратная площадь, обнесенная частоколомъ, съ 4 воротами, надъ которыми устроены башни съ бойницами. Внутри частокола кумирня, домъ губернатора (фу-ту-дуна), школа, склады оружія и пушки. Число жителей доходить до 7.000. Есть, между прочимъ, нѣсколько сотъ китайцевъ-мусульманъ, имѣющихъ свою мечеть.

Айгунъ славится своею хлѣбною торговлей. Оригиналенъ способъ, которымъ мѣстные китайцы замѣняютъ на своихъ лодочкахъ паруса: они втыкаютъ вмѣсто мачты деревцо съ листовою, и этого достаточно, чтобы легкое суденышко довольно быстро скользило по поверхности широкой рѣки. Издали стали видны уже церкви и какія-то высокія красныя зданія—это Благовѣщенскъ.

Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу Амура, при впаденіи въ него рѣки Зеи. Основанъ онъ подъ видомъ „Устьзейскаго Поста“. 9 мая 1858 г. заложена въ присутствіи графа Муравьева знаменитымъ преосвященнымъ Иннокентіемъ первая церковь, и городъ получилъ настоящее свое названіе, въ основу котораго положено то обстоятельство, что отсюда прежде всего послана въ Петербургъ благая вѣсть о присоединеніи Амурскаго края по Айгунскому трактату.

Новый городъ, благодаря выгодному положенію при 2-хъ судоходныхъ рѣкахъ и близкому сосѣдству съ населенною частью Маньчжуріи (главнымъ образомъ съ городомъ Цицикаромъ), а также Призейскими золотыми приисками, началъ быстро развиваться. Въ 1888 г. основанъ здѣсь Львовымъ первый и единственный въ краѣ чугунолитейный заводъ. Въ 2¹/₂ верстахъ выше города, на самомъ берегу Амура, въ небольшомъ саду, находится памятникъ—обелискъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1854 г. расположена была палатка графа Муравьева.

Такъ какъ дальнѣйшее судоходство по Амуру доступно лишь мелкосидящимъ судамъ, то въ Благовѣщенскѣ мы должны были покинуть „Барона Корфа“ и пересѣсть на меньшихъ размѣровъ пароходъ той же компаніи „Графъ Игнатъевъ“. Въ виду доходившихъ до насъ на попутныхъ пристаняхъ тревожныхъ слуховъ о томъ, что выше Благовѣщенска, особенно на рѣкѣ Шилкѣ, за Покровскою пристанью, вода сильно спада, и множество пароходовъ сидятъ на мели, мы съ понятнымъ волненіемъ приставали къ конторкѣ „Общества Амурскаго Паро-

ходства“, и первымъ нашимъ вопросомъ было: „гдѣ Графъ Игнатъевъ“.

Оказалось, что слухъ о мелководья совершенно основателенъ, и пароходъ этотъ еще не думалъ выходить изъ Покровской, ожидая, когда почта изъ Срѣтенска будетъ подвезена къ нему на лодкахъ, такъ какъ не рѣшался идти за нею въ Срѣтенскъ. Лица у всѣхъ насъ вытянулись. Пришлось волей-неволей перебраться съ парохода въ какую-нибудь гостиницу.

Счастливіѣе всѣхъ насъ оказался японскій полковникъ, за которымъ пріѣхала депутація мѣстнаго офицерскаго общества. Здѣсь двѣ гостиницы: „Центральная“— громадное кирпичное зданіе на самомъ берегу Амура и старенькая деревянная „Россія“. Такъ какъ вывѣшенное на пароходной конторкѣ объявленіе первой изъ этихъ гостиницъ: „Г. г. квартирующие могутъ пользоваться столомъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ и получаютъ оный въ полномъ національномъ вкусѣ“,—весьма мало располагало въ пользу этого пріюта, то я и инспекторъ Страховаго Общества г. М. рѣшились занять номеръ въ „Россіи“, содержащейся, какъ оказалось, административно-ссылнымъ полякомъ.

За сравнительно умѣренную плату мы расположились здѣсь сносно, а обѣдъ (1 рубль) и пиво съ завода того же содержателя гостиницы оказались прямо хорошими. Всѣ же прочіе пассажиры, имѣвшіе неосторожность поселиться въ „Центральной“, горько жаловались намъ на пищу и вообще на всѣ порядки.

Отдохнувъ немного, я отправился побродить по берегу рѣки и по городу. На берегу раскинутъ довольно тѣнистый, но весьма пыльный бульварчикъ, у подножія котораго расположены пароходныя пристани со сравнительно большимъ количествомъ судовъ. Здѣсь же мастерскія и небольшой докъ Общества Амурскаго Пароходства, такъ какъ въ Благовѣщенскѣ производится главный ремонтъ всѣхъ пароходовъ, принадлежащихъ Обществу.

Весьма оригиналенъ, между прочимъ, тотъ способъ, коимъ, пользуясь, такъ сказать, даровою силой природы: здѣшними сильными морозами—поднимаютъ здѣсь суда изъ воды для осмотра и ремонта ихъ подводныхъ частей: ихъ вымораживаютъ; при наступленіи морозовъ, кругомъ судна, подлежащаго ремонту, прорубаютъ прорубь; на водѣ снова образуется ледъ, немного приподнимающій корпусъ судна. Ледъ этотъ снова вырубаютъ. Образуется новый слой льда. Его опять скалываютъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока весь остовъ парохода не выйдетъ изъ воды. Его подпи-

раютъ съ боковъ распорками и приступаютъ къ надлежащему ремонту.

Дѣятельность здѣшнихъ пароходо-владѣльцевъ подчинена находящемуся въ Благовѣщенскѣ управленію водными путями Амурскаго бассейна, при которомъ имѣется особый механикъ, свидѣтельствующій судовыя машины.

Интересно то обстоятельство, что командиры мѣстныхъ пароходовъ не вольны распоряжаться пароходными машинами и, вмѣстѣ съ симъ, не отвѣчаютъ и за исправность таковыхъ, находящихся всецѣло на отвѣтственности пароходныхъ механиковъ.

Личный составъ здѣшнихъ пароходныхъ командировъ крайне разношерстенъ: есть капитаны, бывшіе флотскіе офицеры (одинъ изъ нихъ, между прочимъ, женатъ на Ольгѣ Палемъ, извѣстной по бывшему въ свое время громкому процессу). Есть и бывшіе пароходные лакеи. Отъ сего послѣдняго обстоятельства, кажется, зависитъ, главнымъ образомъ, та масса аварій, которыя терпятъ ежегодно мѣстные пароходы.

Если взглянуть на формуляры сихъ послѣднихъ, то просто волосы дыбомъ становятся: какъ можно еще на нихъ пускаться въ плаваніе: десятки пробойвъ въ корпусахъ, течь трубъ, трещины въ котлахъ и т. п. Нужно надѣяться, что съ учрежденіемъ вышеупомянутой должности техника-механика при округѣ, не будутъ болѣе, по крайней мѣрѣ, выпускать пароходовъ съ котлами, грозящими опасностью взрыва.

Гораздо лучше поставлено здѣсь лоцманское дѣло: прекрасные, вполне обезпечивающіе лоцмановъ оклады (до 2.400 руб. въ годъ) заставляютъ ихъ толково и добросовѣстно относиться къ своему дѣлу, и съ этой стороны безопасность плаванія почти совсѣмъ обезпечена.

Противъ пароходной пристани, на противоположномъ берегу Амура, находится китайскій поселокъ „Сахальянъ“, который мѣстные жители перекрестили по-просту въ „Сахалинъ“.

Благовѣщенскіе жители весьма заинтересованы проектомъ одного изъ мѣстныхъ инженеро-строителей о соединеніи, начиная именно отъ этого поселка, города Благовѣщенска особою вѣтвью съ Маньчжурскимъ городомъ Цицикаромъ, расположеннымъ на линіи Восточно-Китайской ж. д. Когда же будетъ построена Амурская дорога, то Благовѣщенскъ круглый годъ будетъ въ связи съ Европой и, несомнѣнно, еще болѣе разовьется. Параллельно съ такимъ ростомъ, желательно было бы, чтобы хоть нѣсколько упорядочилось и нравственное развитіе его населенія, а то мнѣ

здѣсь рассказывали про нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ жителей просто ужасы безнравственности.

Обыватели, совершившіе уголовщину, постарались такъ устроить, чтобы при передачѣ ихъ дѣла изъ старыхъ въ новые суды, дѣло это „безъ вѣсти пропало“ и т. д. Не лучше обстоятъ дѣло и воспитанія юношества, видящаго предъ собою столь губные примѣры.

Въ Благовѣщенскѣ много хорошихъ зданій: Дома Управленія округомъ Путей Сообщенія, универсальный магазинъ Кунста и Альбертса, такой же фирмы Чурина, зданіе центральной гостиницы, Окружный судъ, театръ. Много каменныхъ хорошихъ частныхъ домовъ, но за то немощенныя улицы и страшная бѣдная пыль. Тротуары деревянные. Много также китайскихъ лавокъ со всевозможными товарами, начиная отъ дешеваго чая (30 коп. за фунтъ) и кончая цѣнными фарфоровыми вазами и художественнымъ бронзовымъ литьемъ (очень хороши, напримѣръ, подсвѣчники изъ темной бронзы съ подставкой въ видѣ обвившихъ древесный стволъ драконовъ).

Ежедневно бѣгали мы узнавать у кассира пароходной пристани (бывшаго актера мѣстнаго театра), скоро ли придетъ нашъ пароходъ. Но все напрасно. Только 6 іюня, въ самый Троицкій день, мы могли, наконецъ, перебраться на „Графа Игнатьева“.

На пристани, передъ отходомъ, толпилась масса народу. Большинство пришло поглазѣть на японскаго полковника, провожать котораго собралась вся мѣстная японская колонія.

Наконецъ мы отчаливаемъ, и въ это самое время что-то грузно шлепается въ воду: это узелъ одной изъ пассажирокъ, который ей перебрасывали съ пароходной конторки. Такъ онъ и пошелъ ко дну. Плыдемъ мимо потонувшаго въ зелени лагеря мѣстныхъ войскъ и тюрьмы. Китайскій берегъ гористъ, русскій гораздо положе. Къ вечеру проходимъ у самаго берега Маньчжуріи, подъ великолѣпными сѣро-красно-желтыми скалами. высотой сажень въ 30. Воды Амура изъ грязно-буроватыхъ сдѣлались почти прозрачными. Встрѣчаемъ довольно много плотовъ, частью дровяныхъ, частью переселенческихъ; тутъ и телеги, и лошади, и скоть, и всякій домашній скарбъ.

Горы то на китайскомъ, то на русскомъ берегу. Утесы некрыты большею частью хвоей, но есть много и березы. Лѣсъ вообще неважный. Да и бревна, изъ которыхъ сбиты встрѣчные плоты, также довольно тонки: ясно, что все, что получше, уже давно хищнически вырублено.

Подъѣзжаемъ къ Кумарской станицѣ, бывшему такъ называемому „Кумарскому острогу“, основанному въ XVII столѣтіи (1652 г.) Хабаровымъ при впаденіи рѣчки Кумары въ Амуръ. Въ 1654 г. сотникъ Степановъ выдержалъ здѣсь съ 500 казаками осаду 10.000 маньчжурскаго войска. Но въ 1658 г. китайцы, истребивъ ниже устья рѣки Сунгари отрядъ Степанова, разрушили и Кумарскій острогъ.

Нѣсколько выше станицы, на русскомъ берегу, чудныя, по-видимому, гранитныя горы. Темно-сѣрые, въ нѣсколько уступовъ, утесы, покрытые мѣстами сѣдымъ мхомъ, мѣстами же темно-зеленою травой, вѣнчаются высокою скалою, такъ называемымъ „Кумарскимъ утесомъ“, на вершинѣ котораго водруженъ крестъ. Подъ самой скалою, на отмели, сидятъ на корточкахъ пять китайцевъ. Попутно встрѣчаемъ хорошенькій парходикъ „Молла“, влачащій за собою большую баржу.

Л. Н. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

